

Политический проект Кемиргоко Идарова. Опыт исторической реконструкции.

Аннотация: Происхождение семьи Идаровых и ее насильственное водворение в Кабарде детерминировало острый внутривнутриполитический конфликт. Начало военно-политических контактов между черкесскими владельцами и русским государством позволило Кемиргоко Идарову установить тесные связи с Москвой, которые он пытался использовать как решающий фактор во внутривнутриполитической борьбе. Политический проект Кемиргоко Идарова заключался в централизации Кабарды за счет ограничения ее суверенитета. Эта стратегия, позволила ему на короткое время консолидировать Кабардинское княжество и предпринять попытку расширить свое влияние в Черкесии.

Ключевые слова: династия Иналидов, род Идаровых, внутривнутриполитическая борьба в Кабарде, политический проект Кемиргоко Идарова.

Annotation: The origin of the Idarov-family and its forcible placement in Kabarda caused an acute internal political conflict. The beginning of the military-political contacts between the circassian owners and Russian state allowed Kemirgoko Idarov to establish relations with Moscow, which he tried to use as a determinative in the internal political struggle. The political project of Kemirgoko Idarov consisted in centralization of Kabarda at the cost of limitation of its sovereignty. This strategy allowed him for a little to consolidate Kabardian principality and to try to expand its influence in Circassia.

Keywords: Inalids dynasty, the clan of the Idarovs, internal political struggle in Kabarda, political project of Kemirgoko Idarov.

Кемиргоко Идаров – *пцъишхуэ* («великий князь») Кабарды (вторая половина 50-х г. XVI в. – 1570 г.), инициатор первого кабардинского посольства в Москву (1557 г.), с 1561 г. тесть Ивана IV Грозного (1547–1584), под именем Темрюка Идарова хорошо известен отечественной историографии. Не-

смотря на обширную научную и научно-популярную литературу, посвященную этому историческому деятелю, ему по-настоящему не повезло. Во-первых, сохранилось очень мало достоверных источников о его жизни и деятельности. Это небольшой корпус русских летописных данных, а также дипломатических документов, и разноречивые свидетельства адыгского фольклора, впервые введенные в научный оборот еще Ш.Б.Ногмовым. Во-вторых, первый этап установления кабардино-русских отношений и их наиболее активный политический субъект среди черкесских князей надолго стали символами «добровольного вхождения» Кабарды в состав России, а следовательно оказались заложниками устойчивых идеологем советской историографии, не способствовавших объективному изучению характера русско-адыгских связей и того влияния, которое оказали на их развитие те или иные исторические персоналии. Смягчение тезиса о «добровольном вхождении» и его трансформация в «военно-политический союз» между Кабардой и Россией также не проясняют деталей исторической биографии пщышхуэ Кемиргоко Идарова. Лучшим свидетельством этому служит инерционная устойчивость стереотипных взглядов на жизнь и деятельность Кемиргоко Идарова в современном научном дискурсе и даже сохранение его имени в искаженной форме - Темрюк, тиражируемой в учебной и научно-популярной литературе, названиях улиц и т.д. Однако, нам представляется, что весь комплекс доступной информации о происхождении рода Идаровых, истории их вокняжения в Кабарде в купе с общим историческим контекстом эпохи позволяют реконструировать стратегию главы этого княжеского дома в его бурной дипломатической деятельности на московском направлении.

В одной из статей мы подробно касались вопросов, связанных с проблемой происхождения Кемиргоко Идарова и его последующего «переименования» в Темрюка.¹ Идаровы являлись четвертым поколением той части Иналидов, которые княжили в Кабарде (*Инал и бын, Тэ(о)былэ и бын, Инэрмэс и бын, Идар и бын*), а Кемиргоко возглавлял патронимию после смерти отца, как старший из пяти братьев. Жизнь и деятельность братьев Идаровых охватывает

вторую половину XVI в. По русским письменным источникам в разное время *пщышхуэ* Кабарды становились Кемиргоко, Биту и Канбулат Идаровы. Кроме них в Кабарде сформировались княжеские фамилии Кайтукиных (*Инал и бын, Тэ(о)былэ и бын, Жанхъуэт и бын, Беслэн и бын, Къэйтыхъуэ и бын*), Талостановых (*Инал и бын, Тэ(о)былэ и бын, Жанхъуэт и бын, Тэлостэн и бын*), Джиляхстановых (*Инал и бын, Тэ(о)былэ и бын, Минболэт и бын, Джылэхъстэн и бын*), а также отрасль Иналидов Каноковых (*Инал и бын, Беслэн и бын, Къэнокъуэ и бын*), которые отделились от кабардинцев и основали самостоятельное владение Бесланей не позднее 40-х годов XVI в.² В остальных княжеских владениях Черкесии (Жане, Кемиргой) также происходили процессы формирования самостоятельных владетельных домов и дробления крупных государственно-политических образований на феодальные уделы. Уже в 40-х годах XVI в. как отдельное княжество упоминается Хатукай, который ранее составлял часть Кемиргоя. Возникает хегакское владение.³ Первая половина XVI в. характеризуется для княжеской Черкесии упадком и без того слабого института центральной политической власти. После смерти Инала его потомство не сумело выработать действенные механизмы сохранения государственного единства всех подвластных земель. С умножением числа Иналидов, архаичный порядок наследования высшей политической власти не от отца к сыну, а к старшим в роду, превратил княжескую Черкесию в конгломерат феодальных владений, политически связанных лишь общностью происхождения правящей династии. По-видимому, старшей линией в роду Инала были кемиргоевские Болотоковы. Согласно устной традиции именно Болотоковы слыли «князьями из князей».⁴ Но различные ветви Иналовичей с самого начала своего политического бытия предпочли замыкаться в рамках отдельных владений, которые в свою очередь дробили на уделы, связанные властью пожизненно избираемого *пщышхуэ* («великого князя»).

Несмотря на это, в первой половине XVI в. князья Иналовичи ощущали себя соучастниками политического процесса в стране, и династический кризис в одном из княжеств мог привести к активному вмешательству наиболее влия-

тельных владетельных домов всей Черкесии. Яркий пример тому – история водворения в Кабарде Идара Инармасова в качестве пщышхуэ. Это событие относится примерно ко второй четверти XVI в. Идар Инармасов после ранней смерти отца воспитывался в семье своего деда по матери – бжедугского князя Эльжера Химишева, а достигнув зрелого возраста, решил вернуть отцовское наследство. Его поддержали западноадыгские владетели. Крупномасштабный конфликт, в который оказались втянуты практически все княжеские владения Черкесии, завершился лишь после Кызбурунского сражения.⁵ Идар Инармасов и его союзники как победители продиктовали условия мира: «Князь Идар прибыл в Кабарду и, приняв бразды правления, владел ею беспрекословно. Собственная его часть называлась Идарией».⁶ Одним из результатов этого широко-масштабного военного конфликта, спровоцированного стремлением Идара Инармасова восстановить свои владельческие права, и стало отделение от Кабарды Бесленеевского княжества.⁷

Впечатление, которое оставили в исторической памяти кабардинцев события, связанные с водворением в Кабарде Идара Инармасова в качестве великого князя, во многом определило дальнейшую судьбу его многочисленного семейства. Род Идаровых так и не смог преодолеть негативное впечатление, связанное с их новоприобретенным статусом и политическими амбициями. Идар «прибыл в Кабарду» с семьей, то есть с взрослыми сыновьями. Матерью Идара Инармасова была бжедугская княжна из рода Химишевых. Песня о Кызбурунском сражении именуется им, кроме того, воспитанником Эльжера Химишева.⁸ Кемиргоко Идаров («кемиргоевский сын»), судя по имени, мог быть либо «племянником» (по матери) либо воспитанником кемиргоевских князей. Впрочем, одно не исключает другого. Этнокультурная дистанция между западными и восточными адыгами была не настолько ощутима, чтобы помешать естественной ассимиляции Идаровых в кабардинской среде. Но метод водворения в Кабарде нового пщышхуэ во главе с многочисленным семейством, тесно связанным с бжедугской и кемиргоевской аристократией, на «чужих штыках» не мог добавить ему популярности. По одной из «Родословных» Идар даже по-

гиб насильственной смертью: «А у Инармаса-мурзы дети: Идар-мурза да убит».⁹

Со смертью Идара Инармасова соперничество его наследников с другими княжескими домами Кабарды закономерно обострилось. Пшеапшоко и Асланбек Кайтукины, Тепсаруко Талостанов хорошо известны русским источникам, как активные конкуренты Кемиргоко Идарова в борьбе за власть и политическое влияние в Кабарде в 50-60 гг.¹⁰ Семейство Идаровых было многочисленно. Идар имел возможность оценить горечь своего одиночества, ведь он был «вдовый сын», единственный наследник своего отца. У самого Идара (по родословному списку А.И.Лобанова-Ростовского) было пять сыновей.¹¹ В Кабарду он попал зрелым мужем, достигшим возраста, позволяющего претендовать на старшинство среди братьев – князей Иналовичей. Значит все Идаровы родились и выросли за пределами Кабарды. Следовательно, они имели прекрасные династические, аталыческие, личные связи в Западной Черкесии, но испытывали острый дефицит «психологической легитимности» в Кабарде. В первую очередь, среди политического класса княжества – пши-уорков, которые до поражения в Кызбурунском сражении не желали делиться властью с «вдовым сыном» и его потомками. После смерти Идара, Кемиргоко, как новый глава Идаровых и Идарея, оказался в сложном положении. Крайняя напряженность отношений между Идаровыми с одной стороны и Кайтукиными и Талостановыми – с другой, несомненна. Между этими фамилиями лежала неотомщенная кровь и непримиримые противоречия – претензии на верховную власть в Кабарде.

Вплоть до установления прочных кабардино-русских отношений и появления целого корпуса русских письменных источников о Черкесии, мы вынуждены опираться на фрагментарные данные и адыгский фольклор в анализе событий и оценке деятельности Идаровых в Кабарде. Она выглядит крайне неоднозначно. Во-первых, адыгский фольклор упоминает Идаровых – Канбулата и Биту, как организаторов и активных участников предательского убийства Андемиркана – идеального рыцаря черкесского средневековья. Место действия – у слияния рр. Черек и Хеу, т.е. территория исторического Идарея, также явно

свидетельствует против Идаровых и их лидера.¹² Андемиркан - знаковая фигура черкесской истории. Идеальный рыцарь, князь-бастард (*тицы тумэ*), участник Бахчисарайского похода, взятия Астрахани (1532) и всех масштабных военно-политических событий 20-40 гг. XVI в. Андемиркан практически всегда упоминается вместе с Бесланом и Талостаном Жанхотовыми, как их боевой соратник, а иногда антагонист, превосходящий мужеством и силой своих собратьев князей с «незапятнанной» родословной. С его смертью заканчивается великая эпоха черкесской Реконкисты Центрального Предкавказья. Предательское убийство Андемиркана лежит несмываемым пятном на репутации Идаровых, в том числе и их лидера – Кемиргоко, хотя он не принимал в нем непосредственного участия. Во всяком случае, адыгский фольклор об этом не упоминает.

Еще раз в истории Кабарды первой половины XVI в. Идаровы упоминаются в связи с походом крымского хана Сахиб-Гирея (1532-1551). Согласно рассказу татарского хрониста Реммал-хаджи, в Крым приехал кабардинский князь Элбозду с просьбой помочь против своего двоюродного брата.¹³ В описываемое время (1545 г.) среди кабардинских князей был только один Элбозду (Елбузду) – один из младших сыновей Кемиргоко Идарова.¹⁴ Подробности внутривосточной борьбы в Кабарде, опираясь на данные татарского хрониста выяснить невозможно. По приглашению Элбозду Идарова Сахиб-Гирей собрал 60-70 тыс. воинов и через Азов степями двинулся в Кабарду. В районе Пятигорья (на р. Малка) крымская армия последовательно разгромила кабардинцев и бжедугов, которые под охраной своих воинов собирали урожай. Любопытно упоминание «людей племени буждук» в этих событиях. Их ежегодные, судя по данным татарского хрониста, появления в Кабарде для сева и сбора урожая, возможно, были формой оплаты Идаровыми заслуг бжедугов в Кызбурнском сражении, а также способом прочно интегрировать в Кабардинское княжество хотя бы часть своих наиболее лояльных западночеркесских союзников. Тем подлее выглядит роль Элбозду Идарова в крымском походе 1545 г. По сообщению Реммал-хаджи, только его советы помогли Сахиб-Гирею избежать поражения и разгромить в упорном ночном сражении бжедугов.¹⁵ Дальнейшая

судьба Элбозду Идарова не ясна. Он несколько раз мелькает в документах середины XVI в., но заметной роли в истории Кабарды не играет.

Старший из Идаровичей, напротив, становится с середины XVI в. знаковой фигурой в истории Кабарды и всей Черкесии. Это связано, во-первых, с переходом великого княжения в Кабарде к Кемиргоко Идарову (не позднее середины 50-х годов), а во-вторых, с началом эпохи устойчивых русско-черкесских связей, в развитие которых он вложил так много сил. Московское направление черкесской внешней политики открыло первое посольство 1552 г. Инициаторами дипломатической активности, имевшей принципиальное значение для истории Черкесии впоследствии, были бесленеевский и абазинский владетели («Маашук-князь» Каноков и «князь Иван Езбузлуков»)¹⁶ Эту инициативу вскоре (в 1555 г.) поддержали жанеевские князья. Предметом переговоров, судя по данным русских летописей и общему историческому контексту, были условия заключения широкомасштабного русско-черкесского альянса, направленного против экспансии в Северном Причерноморье и на юге России Османской империи и Крымского ханства.¹⁷ Отечественная историография традиционно рассматривала кабардинское посольство 1557 г. как одно из звеньев дипломатической активности черкесских владетелей на Московском направлении. Однако, цепь событий, последовавшие после первого адыгского посольства, ясно свидетельствуют, что в основе дипломатической активности западночеркесских и кабардинских правителей были совершенно различные по целям и задачам политические стратегии. Период сближения Жанея и Бесленея с Москвой оказался кратковременным. Жанеевские и бесленеевские князья - Кансауковы и Каноковы, искали сильных союзников для борьбы против Османской империи и Крымского ханства. Россия оказалась не заинтересована в активной наступательной политике на южном направлении. После присоединения Астраханского ханства в 1556 г. и практически синхронного разорения западными черкесами Темрюка и Тамани - турецких крепостей в устье Кубани, правительство Ивана IV перешло к обороне, а его наступательная активность оказалась переориентирована на Запад – в 1558 г. началась многолетняя Ливонская война (1558-

1583).¹⁸ Бесперспективность русско-черкесского политического союза, как средства активного противодействия османско-крымскому военному давлению, стала очевидна для западноадыгских владетелей. Они были вынуждены в целях нормализации отношений со своими могущественными и агрессивными соседями признать номинальную зависимость от Крымского ханства.¹⁹

Пщышхуэ Кабарды Кемиргоко Идаров реализовывал совершенно другую стратегию. Военное давление со стороны Крымского ханства и Османской империи ощущалось в Кабарде не столь остро как в княжествах Западной Черкесии. Во всяком случае Кемиргоко Идаров обратился к Ивану IV с просьбой о помощи против Шамхальства Кази-Кумухского – сильного государственного образования Восточного Кавказа, объединявшего значительную часть Приморского и Нагорного Дагестана. Османско-крымская угроза, как и средства противодействия ей, судя по русским источникам даже не обсуждались.²⁰ Обращает на себя внимание и форма организации первого кабардинского посольства 1557 г. Его возглавил «Канклыч (Кавклыч) Кануков», т.е. один из бесленеевских владетелей Канокowych, которые первыми проложили дорогу в столицу русского государства. Возможно, этот факт отражает сохранение близких отношений между Канокowymi и Идаровыми, ведь их отцы были союзниками в Кызбурунском сражении. В русских летописях упоминается, что черкесские послы были уполномочены вести переговоры от лица как минимум одного из восточно-грузинских царств – Картли или Кахети: «...С карбатинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверской князь и вся земля Иверскаа».²¹ Еще одно свидетельство неактуальности для посольства 1557 г. проблемы противодействия крымской угрозе.

Кабардинские князья «были пожалованы» русским государем по примеру жанеевских и бесленеевских владетелей. В октябре 1558 г. в Москву прибыло очередное кабардинское посольство от лица пщышхуэ Кемиргоко Идарова, которое возглавляли его сыновья – Булгайрук и Солтанук (Салтан, Салнук). Младший из них остался в Москве фактически в качестве аманата – залога политической лояльности своего отца.²² В дальнейшем, благодаря активности Ке-

миргоко Идарова, кабардино-русские отношения развивались стремительно. Уже в первой половине 1560 г., видимо реализуя принятые договоренности, русские войска из Астрахани на судах совершили поход в Дагестан и разорили зимнюю резиденцию шамхала - прибрежный город Тарки.²³ Конечно же, особое значение для укрепления политических связей Кемиргоко Идарова с Иваном IV имел династический союз между пщышхуэ Кабарды и русским царем. История сватовства Ивана IV в Черкесии и заключения им второго брака ярко иллюстрирует разницу в политических целях, преследовавшихся Идаровыми в Кабарде и Кансауковыми в Жанее.²⁴ Реально оценив потенциальные выгоды и риски военно-политического альянса с Москвой против внешней угрозы – империи османов и Крымского ханства, жанеевские князья предпочли уклониться от установления династического союза с русским царем.²⁵ Идаровы имели обширные матримониальные связи с самыми знатными аристократическими домами. Дочери Кемиргоко Идарова - Алтынчач и Малхуруб, были замужем соответственно за астраханским царевичем Бекбулатом и сыном правителя Большой Ногайской Орды Измаила. Вектор династических связей Кемиргоко Идарова явно антикрымский. Астраханское ханство и Большая Ногайская Орда всю первую половину XVI в. были принципиальными соперниками Крымского ханства в борьбе за золотоордынское политическое наследство. Отдавая младшую дочь за Ивана IV, пщышхуэ Кабарды приобретал гораздо более могущественного союзника, способного стать его политическим покровителем. Но вот антикрымская направленность этого нового династического союза далеко не очевидна. В том, что между Московским царством и Крымским ханством были противоречия антагонистического характера, связанные, в первую очередь, с борьбой за власть над Казанью и Астраханью – древними провинциями улуса Джучи, сомнений нет. Дальнейшие события заставляют усомниться в другом. В том, что внешнеполитические угрозы Кабардинскому княжеству со стороны могущественных соседей были для пщышхуэ Кабарды Кемиргоко Идарова проблемами первостепенной важности, для решения которых он и развивал столь активно отношения с Московским царством. Напротив, значение Ивана

IV как сильного союзника, оценивалось Кемиргоко Идаровым, в первую очередь, в контексте острых внутривластных проблем, с которыми столкнулась его фамилия с момента своего водворения в Кабарде. Об этом красноречиво свидетельствуют русские летописи: «А которые черкасские князи к Темгрюку-князю были непослушны, и те, слыша царское жалование к Темгрюку-князю. Что царь и великий князь Темгрюка-князя пожаловал, дочь его взял за себя, и они Темгрюку-князю учили быти послушны и дани ему учили давати и во всей учинилися в Темгрюкове княжой воле (курсив наш – З.К.)».²⁶ Последняя фраза не оставляет сомнений в том, что пщышхуэ Кабарды рассматривал кабардино-русские отношения как важнейший ресурс укрепления своей личной власти в княжестве.

Однако одной демонстрации «царского жалованья», то есть благоволения Ивана IV к своему тестю, оказалось явно недостаточно для приведения в «Темгрюкову княжью волю» конкурирующих с Идаровыми владетельных кабардинских фамилий. Поэтому практически сразу же московский царь по просьбе Кемиргоко Идарова предоставил последнему внушительную военную силу, вооруженную огнестрельным оружием, – 500 стрельцов и 500 казаков, с тем, чтобы «от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми, куды ... Темгрюк-князь учнет посылати».²⁷ Насколько Идаровы нуждались в военной помощи для подавления политической оппозиции внутри княжества можно судить по тому, что встречать союзное русское войско Кемиргоко с сыном Домануко выехал в ... Астрахань! Идаровы, вместе со своими союзниками в течение декабря 1562 г. вели успешные боевые действия в Кабарде против «недругов» великого князя.²⁸ Военно-политический эффект от разгрома (возможно сильно преувеличенного русскими летописцами) Кайтукиных и Талостановых в 1562 г. оказался незначителен. Уже в июне 1565 г. в Москву в качестве посла пщышхуэ Кабарды прибыл Мамстрюк - сын Кемиргоко Идарова. Вновь последовали жалобы на «многие тесноты от черкас», которые «непослушны во всем» и просьбы о прямой военной помощи.²⁹ Очевидно, речь шла именно о «кабардинских черкасах», так как западные черкесы не находились в сфере властных полномо-

чий пщышхуэ Кабарды и претензий по поводу их «непослушания» у него быть не могло. То есть, либо политический класс Кабарды (пши-уорки) отказывался признавать фактически *законную власть* пщышхуэ Кемиргоко Идарова, либо, что более вероятно, последний, опираясь на свои династические связи с Москвой и военный потенциал Русского государства, *пытался существенно расширить ее рамки*. Военная помощь Кемиргоко Идарову была вновь незамедлительно оказана. Русские войска (дворянская поместная конница, стрельцы, казаки) весной 1566 г. прибыли в Кабарду и вместе с войсками Идарея нанесли серьезное поражение политическим противникам Кемиргоко Идарова, в первую очередь Пшеапшоко Кайтукину.³⁰

Военные успехи Кемиргоко Идарова, опиравшегося на войска своего царственного зятя, не могли делегитимизировать традиционную феодальную конституцию всей княжеской Черкесии и Кабардинского княжества в частности. Она предполагала сохранение баланса сил различных княжеских домов династии Иналидов; их формально равные права на титул пщышхуэ – великого князя; порядок избрания нового верховного правителя всем политическим классом. При этом титул пожизненно избираемого пщышхуэ и связанные с ним властные полномочия переходили в рамках феодального владения от одного княжеского дома к другому. Недостатки социальной организации княжеской Черкесии не могли не осознаваться политическим классом адыгского общества. В периоды максимального обострения внешнеполитических угроз становились особенно очевидны недостатки децентрализованной системы управления адыгских феодальных владений. Обладая сопоставимым с Крымским ханством военным потенциалом, Черкесия в силу феодальной раздробленности оказывалась объектом властных притязаний татарских ханов. Разрозненные черкесские княжества поодиночке уступали своему грозному соседу, а их прочное объединение было невозможно в силу особенностей адыгского феодального общества. Слабые попытки западчеркесских Иналидов объединиться вокруг одной символической фигуры можно видеть как в приглашении «на государство» русско-литовского князя Дмитрия Вишневецкого в период союзничества с Иваном

IV, так и в более поздних политических проектах. Так, осенью 1563 г. родной брат Сибоко Кансаукова Чубук прибыл в Бахчисарай «на Черкасское государство царевича просить».³¹ Крымский хан Девлет-Гирей (1551-1577) отпустил с жанеевским послом своего внука Ислам-Гирея.³² Очевидно, черкесские князья, считая себя равными по социальному статусу, хотели обрести в лице крымского царевича единого правителя, которого они могли бы признать сюзереном, не поступаясь сословной честью. Эти планы не были реализованы. Приглашение нового династа могло дать только кратковременный эффект. С умножением его потомства при сохранении удельной системы и принципа наследования высшей политической власти старшим в роду, феодальная раздробленность Черкесии восстановилась бы через одно-два поколения. Поэтому западные адыги вернулись к традиционной практике номинального признания сюзеренитета крымского хана и османского султана.³³

Возможно, будь у Кемиргоко Идарова шансы спокойно править в рамках традиционной феодальной конституции и быть уверенным в сохранении его родом наследственных владений, он также вел бы более инертную политику, направленную на сохранение *status quo*. Но острота внутривнутриполитического конфликта в Кабарде, мотивировала пщышхуэ на поиски более радикальных решений. Наглядный пример Крымского ханства, должен был действовать вдохновляюще. На начальном этапе своей истории Крымское ханство сильно страдало от внутривнутриполитической нестабильности, зачастую было яблоком раздора и объектом прямого военного грабежа со стороны черкесов, ногайцев и татар Большой Орды.³⁴ Приобретение покровительства со стороны Османской империи стабилизировало порядок престолонаследия за счет появления верховного арбитра в лице султана, открыло доступ к самым современным военным технологиям и, в конечном счете, дало крымцам решающее преимущество над соседями в борьбе за доминирование в регионе.

Исходя из этого, становится понятной беспрецедентная инициатива Кемиргоко Идарова, который обратился к Ивану IV с просьбой основать на территории княжества – «на реке Терке» у впадения в нее Сунжи, крепости с

постоянным гарнизоном для «береженья от недругов».³⁵ В феврале 1567 г. по приказу Ивана IV на Северный Кавказ были отправлены войска (2-3 тыс.), мастера, материалы, необходимые для возведения крепости, и она была сооружена в кратчайшие сроки.³⁶ С точки зрения нейтрализации внешнеполитических угроз основание русской военной базы на крайнем востоке Кабардинского княжества не имело решающего значения. Терский город мог служить опорным пунктом распространения кабардинского военно-политического влияния на Нижнем Тереке в борьбе с Шамхальством. Но наиболее актуальные для Кабарды внешнеполитические задачи военного прикрытия с Крымского - северо-западного и Ногайского – северного направлений, Терская крепость решить не могла. В данном случае Кемиргоко Идаров действовал не только в духе типичного феодального государя, который легко приносит общественный интерес в жертву интересам собственного удельного княжества и владетельного дома. Прикрытие восточного направления для Идарея – одного из восточных уделов Кабарды, было стратегически важной задачей не актуальной для Кайтукиной Кабарды. Гораздо важнее то, что Кемиргоко Идаров сознательно вводил в политическую систему Кабардинского княжества принципиально новый элемент – город, более того – чужой город – средоточие самой передовой для той эпохи военной силы - пехота, вооруженная огнестрельным оружием, артиллерия. Непосредственная власть над этой силой находилась в столице другого государства, и использовать военный потенциал Терской крепости можно было только при условии лояльности правителю Московского царства. Кемиргоко Идаров не видел в этом проблемы, или не видел иной возможности сохранить и расширить свою власть и статус рода Идаровых в Кабарде и Черкесии в целом. Иными словами, пщышхуэ осознанно шел на ограничение суверенитета Кабарды с целью ее централизации и подчинения своей фактической власти, выходящей за рамки обычного феодального права Черкесии.

Весьма характерно, что активное участие русских войск во внутривнутриполитическом конфликте Идаровых с Кайтукиными и Талостановыми происходило на фоне серьезных внешнеполитических угроз. В их нейтрализации русская во-

енная помощь ни разу (!) не была оказана. В 1566 г. кабардинцами было разгромлено вторгнувшееся в страну войско Буда-шамхала, который погиб в сражении.³⁷ Ранней осенью 1567 кабардинцы успешно отразили крымские войска калги Мухамед-Гирея.³⁸ В обоих случаях военная помощь со стороны Русского государства и даже просьбы о ней со стороны пщышхуэ Кабарды в источниках даже не упоминаются. Единственный раз в годы княжения Кемиргоко Идарова кабардинские и русские войска совместно сражались против внешнего врага в 1569 г. во время отражения османско-крымского похода на Астрахань Касим-паши. Но и в этом случае имели место не согласованные действия союзников в соответствии с общей стратегией и планами военных действий. Просто после неудачной осады Астрахани, дезорганизованные османско-крымские войска, отступая по «Кабардинской дороге» через Центральное Предкавказье, подверглись активным атакам со стороны кабардинцев и других черкесов.³⁹ Очевидно, Кемиргоко Идаров осознавал ограниченность военных ресурсов Русского государства, особенно на Северном Кавказе, и не хотел ими рисковать вне задач первостепенной важности. А таковыми, если судить о политических приоритетах пщышхуэ Кабарды по его деятельности, были усиление личной власти и политического веса в Черкесии рода Идаровых. С учетом инициативы Кемиргоко Идарова по созданию в Кабарде мощной опорной точки в виде русской военной базы, не исключены амбициозные планы по изменению характера функционирования института великого княжения с целью добиться, как минимум, приоритета рода Идаровых, а как максимум – монополизации Идаровыми статуса пщышхуэ Кабарды. Консолидировав под своей властью Кабардинское княжество, Кемиргоко Идаров получал возможность для реализации амбициозных политических проектов в рамках всей Черкесии. Такие планы у Кемиргоко Идарова явно были. Во всяком случае, его политические оппоненты в Черкесии и Крыму с опаской наблюдали за ростом влияния Кемиргоко Идарова. Крымские дипломаты прямо обвиняли правительство Ивана IV в том, что русские войска появились в Кабарде для того, чтобы воевать не только против Кайтуки-

ных, но и против «турского черкасов и царевых (т.е. крымского хана/«царя»-З.К.) Береслановых детей и иных черкас, которые служат турецкому и царю».⁴⁰

Дальнейшие события демонстрируют, что опасения крымцев были не беспочвенны. При первой же возможности Кемиргоко Идаров вмешался во внутривосточную борьбу западочеркесских владетелей. Детали событий опять же не ясны из-за скудости источников. Русские летописи датируют весной-летом 1570 г. внутренние распри черкесских князей, вмешательство в них крымского царевича Алди-Гирея и его поражение от кемиргоевцев: «...Которые деи черкасы были у царя в прикладе, и те деи промеж себя завоевались, и царь деи посылает в Черкасы Алди-Гирея царевича поугрозити и помирити, а людей со царевичем посылает немногих...Царевич деи Алди-Гирей посылал от себя посылку в Черкасы в Кумук (Кемиргой-З.К.), а велел воевати, и черкасы деи Алди-Гиреевых царевичевых татар побили».⁴¹ Конфликт приобрел общечеркесский масштаб с вмешательством в него Кемиргоко Идарова. Ногмов Ш.Б. несколько путаясь в персоналиях (вместо царевича Алди-Гирея упоминает хана Девлет-Гирея (1551-1577), Кемиргоко Идарова традиционно называет Темрюком) передает фольклорную версию событий.⁴² Несмотря на это, фольклорный сюжет Ш.Б.Ногмова во многом совпадает с данными русских летописей. В июле 1570 г. на р. Ахупс «близ Тамани» (по-видимому, Афипс – З.К.) войско Кемиргоко Идарова дало бой крымской армии под началом царевича Алди-Гирея. Место действия (во второй половине XVI в. р.Афипс - это приграничье Кемиргоя и Бжедугии с Жанеем), упоминание в летописях о том, что Кемиргоко Идаров приходил помогать «Баазытцким черкесам» (возможно бжедугам – З.К.), демонстрирует поразительную устойчивость традиционных связей рода Идаровых в Западной Черкесии.⁴³ Однако если в Кызбурунском сражении этот альянс привел союзников к победе и возвышению Идаровых, то сражение на Ахупсе, несмотря на неясный военный результат, закончилось для семьи Кемиргоко Идарова катастрофой: «Темрюк деи князь с бою съехал ранен, а дву сынов Темрюковых Мамстряка да Беберюка царевич Алди-Гирей на бою взял и привел с собою ко царю в Крым».⁴⁴ Сыновья пщышхуэ Кабарды позднее

были выкуплены из плена и хорошо известны русским источникам последней четверти XVI в. А вот Кемиргоко Идаров более в русских летописях и дипломатических документах не упоминается. Скорее всего, от своей раны он уже не оправился. В следующем, 1571 г., как известно, крымский хан Девлет-Гирей совершил успешный поход на русские земли и даже сжег Москву. Одним из последствий этого было решение Ивана IV ликвидировать Терский город в Кабарде. Политический проект Кемиргоко Идарова потерпел фиаско. Его планы по консолидации Кабардинского княжества с опорой на внешние силы оказался нереализуем. Во всяком случае, при его жизни. Однако политические идеи имеют свойство переживать своих создателей. Уже в 1578 г. младший брат Кемиргоко - Канбулат Идаров, ставший к этому времени пщышхуэ, во главе кабардинского посольства прибыл в Москву и фактически возобновил политический союз с Москвой, на старых условиях, одним из которых стало возведение новой русской крепости на старом месте: «...На Терке реке усть-Сюенча».⁴⁵ В истории Кабарды Канбулат Идаров первый и единственный великий князь, который лично возглавил посольскую миссию! Это так же характеризует ослабление политических позиций Идаровых в Кабарде, как и цель посольства – практически пщышхуэ добивался для себя отношений прямого протектората со стороны Московского царя. А восстановление русской военной базы на территории Кабарды, должно было облечь политический протекторат со стороны Русского государства в осязаемые формы. Идаровы долгое время пытались воплотить в жизнь политический проект своего лидера, пожертвовав независимостью Кабарды утилитарным задачам усиления управляемости кабардинским социумом и поддержания собственного политического доминирования в княжестве. Их борьба за его осуществление составляет целую эпоху в истории Кабарды и заканчивается лишь в середине XVII в.

Несмотря на неудачу в реализации своих амбициозных планов, Кемиргоко Идаров оставил в памяти адыгов заметный след. Именно поэтому Ш.Б.Ногмов, даже серьезно откорректировав фольклорное предание о старшем сыне Идара оставил самую красноречивую характеристику посмертного отно-

шения кабардинцев к своему знаменитому пщышхуэ – амбициозному политику, способному действовать в сфере неопределенности, бороться за власть, рисковать: «Кемиргоко ... умер и по завещанию зарыт в землю на коне и в полном вооружении ... над ним вместо памятника насыпан курган».⁴⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ¹ *Кожев З.А.* Происхождение Кемиргоко Идарова // Известия КБНЦ РАН, №4. Нальчик. 2011. С.177-182.
- ² Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв.//В дальнейшем – КРО. Т.1. М. 1957. С.383-387.
- ³ *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV-первая половина XVI в.). М. 1990. С. 110-111; *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик. 1994. С. 96-97.
- ⁴ *Ногмов Ш.Б.* История ... С.97.
- ⁵ Там же. С.104-106.
- ⁶ Там же. С. 105.
- ⁷ Там же. С.104.
- ⁸ Там же. С. 105.
- ⁹ КРО. С. 383.
- ¹⁰ КРО. С. 11,13,17, 21.
- ¹¹ КРО. С.384-385.
- ¹² Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т.3. Ч. 1. М. 1986. С.87-88.
- ¹³ *Некрасов А.М.* Международные отношения ...С.107.
- ¹⁴ КРО. С.383.
- ¹⁵ *Некрасов А.М.* Международные отношения ...С.107-108.
- ¹⁶ КРО. С.3-5.
- ¹⁷ Там же. С.3-5.
- ¹⁸ Там же. С.4.
- ¹⁹ Адыгская энциклопедия. М. 2006. С.181.
- ²⁰ КРО. С.5.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С.7.
- ²³ Там же. С.8.
- ²⁴ Там же. С.9-10.
- ²⁵ Там же. С.
- ²⁶ Там же. С.10.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С.11.
- ²⁹ Там же. С.12.
- ³⁰ Там же. С.12-13.
- ³¹ Там же. С.8; 9, с. 274-275.
- ³² *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып.1. М. 1889. С. 60.
- ³³ Адыгская энциклопедия. С.181.
- ³⁴ *Некрасов А.М.* Международные отношения ...С. 36-53.
- ³⁵ КРО. С.13.
- ³⁶ Там же. С.13-14.
- ³⁷ *Белокуров С.А.* Сношения России ...С.9.

³⁸ КРО. С. 16-17, 19.

³⁹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого в трех книгах (С.-Петербург. 1842). М. 1989.Т.IX. С.76.

⁴⁰ КРО. С. 17.

⁴¹ Там же. С.21-22.

⁴² *Ногмов Ш.Б.* История ... С.123.

⁴³ КРО. С.22; *Ногмов Ш.Б.* История ... С.123.

⁴⁴ Там же. С.23.

⁴⁵ Там же. С.34.

⁴⁶ *Ногмов Ш.Б.* История ... С.123.